

нем, направленном к Богу и идущем от сердца богопознания. Поэтому, выступая в качестве устойчивого воспитательного феномена, провиденциалистская идея воспитания, с одной стороны, по-прежнему оставалась основанием отечественной педагогической мысли, ищущей цельности бытия человека как условия его приближения к Богу и сопряжения интересов человека с пониманием Бога, а с другой – была некоей объективной реальностью: она являлась в трудах и речах государственных и религиозных деятелей, в устном народном творчестве и в выборе определенной переводной литературы, в иконописи и декоративно-прикладном искусстве.

Подводя итоги, отметим, что провиденциалистская идея воспитания в отечественной гуманистической педагогической мысли XI – конца XVII вв. является не чем иным, как взглядом на воспитание не столько как на назидательный процесс, сколько как на пробуждение в человеке светлого и чистого начала и восхождение к божественному идеалу. В последующие века подобный взгляд на воспитание будет связываться со становлением отечественной педагогики, в которой идея цельности бытия человека как условия его приближения к Богу и сопряжения воспитания с пониманием промысла будет определять цели и задачи воспитания, а также образ и содержание жизни человека. Вследствие утверждения в педагогической мысли XI – конца XVII вв. провиденциалистской идеи воспитания отечественная педагогика вплоть до конца XIX в. решала проблемы идеала воспитания в провиденциальном духе в противовес проникавшим в определенную часть общества настроениям атеизма, нигилизма и революционного радикализма.

Литература

1. Александрова В.Г., Богуславский М.В. Новые рубежи педагогической реальности: аксиология, духовность, гуманизм. М. : Изд-во МГПУ, 2007.
2. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Наука, 1990. Т. 9.
3. Меньшиков В.М. Воспитание в Западной Европе и России: смыслы и направления развития. Курск : Изд-во Кур. гос. ун-та, 2008.
4. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1897.
5. Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб. : Алетей, 2000.

6. Родников В.П. История педагогики общей и русской / 4-е изд., доп. Киев : Оглобин, 1916.

7. Иоанн Тобольский, епископ (Максимович И.М.). Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с божественною волею. М. : Изд. гр. «Скит», 1994.

Providential idea of education in the domestic humanistic pedagogic thought (XI – end of XVII centuries)

There is considered the providential idea of education in the domestic humanistic pedagogic thought of the XI – end of the XVII centuries. There is concluded that in the Old Russian pedagogic mind the providential idea of a person had a humanistic character and in that form it influenced the goals, principles of education and in general the development of the Old Russian pedagogic thought.

Key words: *providential idea of education, Old Russian humanistic pedagogic thought, Christian doctrine about a person.*

С.Г. НОВИКОВ
(Волгоград)

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» СОВЕТСКОЙ ВЛАСТНОЙ ЭЛИТОЙ 1920-х гг.

Показан процесс разработки модели «нового человека» руководителями советской системы воспитания в условиях социокультурных трансформаций 1920-х гг. Указанная модель в большей степени формировалась под влиянием взятого в СССР курса на форсированную модернизацию общества. Именно такая стратегия породила запрос на личность, готовую подчиняться социальному целому.

Ключевые слова: *модель «нового человека», советская элита, «революция нравов», ценности, антропоцентризм, социоцентризм.*

Радикальные социальные трансформации, как правило, вызывают в обществе «революцию нравов». В минувшем столетии такая случалась в России дважды: после 1917 г. и после 1991 г. Оба раза она сопро-

вождалась крушением сложившейся системы ценностей, низвержением прежних идолов, появлением новых поведенческих образцов. Однако реакция властной элиты начала и конца XX в. на метаморфозы общественной морали была неодинаковой. Ельцинский истеблишмент не выказывал особого беспокойства по поводу многих, прямо скажем, неоднозначных «росткаов нового»: сексуальной революции, «пивного образа жизни» молодежи и пр. Авторы проекта «новой России» явно волновали не столько духовно-нравственные аспекты транзиции, сколько проблемы реформирования отношений собственности и власти. Подобный интерес был присущ и предшествующему поколению «прогрессоров» – большевикам, которые яростно боролись за власть и решительно вторгались в сферу производства и распределения материальных благ. Однако В.И. Ленин и его соратники, в отличие от правящей группы 1990-х гг., хорошо понимали, что будущее их мироустроительно го проекта напрямую зависит от *нравственного облика* подрастающих поколений. Если угодно, они осознавали огромные потенциальные возможности *духовного* ресурса развития, в силу чего ответили в своей стратегии особое место воспитательной политике.

В 1920-е гг. в зоне их специального внимания оказалось повседневное поведение юношей и девушек, нравы, царившие в среде «революционного молодняка». По этой проблеме высказываются многие ключевые фигуры правящего режима: члены Политбюро ЦК Л.Д. Троцкий и Н.И. Бухарин, члены ЦК РКП(б)-ВКП(б) Н.К. Крупская и Е.М. Ярославский, члены ЦК РКП (б) и КП(б)У Э.И. Квириг и Д.З. Мануильский, наркомы А.В. Луначарский и Н.А. Семашко, ректор комуниверситета М.Н. Лядов и член ЦК КП А.А. Сольц, лидер комсомола А.И. Мильчаков и др.

Интерес советской властной элиты объяснялся отсутствием у молодежи четких нравственных ориентиров, сочетанием в ее обыденной жизни противоположных практик (от крайнего аскетизма до полнейшей распушенности). Безусловно, дезориентация нравственного сознания была порождена революцией 1917 – 1920 гг., сформировавшей у ее адептов убежденность в том, что вместе со «старым миром» должна уйти в прошлое и «старая мораль». К тому же, «революционная инициация» (вступление в партию или

комсомол) вызывала у «передовой» молодежи чувство собственной духовной исключительности, неподвластности вековым правилам и нормам. Как следствие, «нормальными» и привычными для молодежи стали формы проведения досуга, отрицательно оценивавшиеся традиционной моралью, а требование аскетического подвижничества соседствовало в ее сознании с оправданием неупорядоченности сексуальных отношений, пьянством и хулиганством.

Именно эта ситуация, по признанию самих лидеров большевизма, стала толчком к активизации их деятельности по разработке модели желаемой личности – «нового человека», по тогдашней терминологии. В принципе, в самом желании смоделировать такую не было ничего необычного. По справедливому замечанию современных исследователей, идеал «нового человека» «актуализировался во все критические времена» [1, с. 73]. Однако в попытке 1920-х гг. было нечто, существенно отличавшее ее от всех предшествующих: педагогическое проектирование велось в рамках более широкого и масштабного социального проекта (строительства «нового мира»).

Проективное мышление, демонстрировавшееся советской властной элитой, определялось ее принадлежностью к сторонникам марксистской доктрины. Как известно, учение К. Маркса отличается системным взглядом на социальную реальность и прямо требует от своих последователей социальной инженерии. А поскольку последняя заключается в целенаправленной деятельности по переустройству общества, лидеры большевизма не могли не заняться проблемой формирования социального субъекта данного процесса, разрабатывая соответствующий проект внутри мегапроекта.

Выстраивая модель «нового человека», большевистская элита, конечно, помнила о марксовом идеале воспитания свободной личности. Однако большевики отнеслись к нему именно как к идеалу, т.е. как к наиболее общему представлению об индивиде будущего (коммунистического общества, разумеется). Искомая же модель рождалась, как и любая модель «человека воспитанного», из конфронтации этого идеала с действительностью, являя собой превращение идеала в реальную цель.

Наблюдая в советском обществе большую «пестроту нравов», большевистские

проектировщики «нового человека» сначала выделили те социальные феномены, которые они сочли недопустимыми, затем квалифицировали их как «буржуазные» и, наконец, путем противопоставления сформулировали положительные нравы («социалистические»). «Болезнями быта» были названы пьянство и хулиганство, половая распущенность, религиозность (рассматривавшаяся как характерная черта «старого мира»). Соответственно, от «нового человека» требовались *трезвость, дисциплинированность, товарищеское отношение к девушке, неприятие религиозных обрядов и традиций*.

Отбор качеств личности «нового человека» проходил на основании критерия, выдвинутого в 1920 г. В.И. Лениным, т.е. с точки зрения их соответствия интересам классовой борьбы пролетариата. Напоминая данный тезис, «совесть партии» А.А. Сольц говорил: «...у нас нет абстрактно неэтичных поступков». Развивая мысль в другом выступлении, он пояснял: «Все, что облегчает нашу борьбу, все, что нас усиливает как борцов, все, что нам помогает в этой борьбе, то является этическим, хорошим» [2, с. 261, 274]. Следует при этом помнить, что, постулируя указанное положение, лидеры большевизма исходили из убежденности в совпадении интересов рабочего класса со стратегическими интересами всего человечества.

Руководствуясь вышеуказанным, большевики сделали именно готовность сражаться «за дело рабочего класса» конститутивной чертой «нового человека». Кого бы мы ни взяли из популярных «вождей» 1920-х гг., все они формулировали данную мысль в очень схожей тональности. «Красный Лев революции» Л.Д. Троцкий восклицал: «Мы хотим создавать борцов, революционеров...» [4, с. 328]. А Е.А. Преображенский (в недавнем прошлом секретарь ЦК, а затем председатель Главного управления профобразования Наркомата просвещения РСФСР) писал на том же «нерве»: «новый человек» должен уметь «беззаветно, почти стихийно, без фраз и лишних слов, не требуя ничего лично для себя, влить всю свою энергию и энтузиазм в общий поток и пробиться к цели со своим классом, может быть, свалившись мертвым по дороге» [3, с. 73]. Преображенский считал, что отвечать высочайшим требованиям, предъявляемым к «новому человеку», современный ему «человеческий материал» в полной мере не способен. Он писал: «Взрослое поколение слишком испорчено ка-

питализмом и привыкло к старому. Мне кажется даже, что, например, и члены коммунистической партии, какую бы великую историческую роль они ни играли в период пролома капиталистической стены и как ни велика будет их роль в ближайшие три-четыре десятилетия – даже они глубоко испорчены уже капитализмом и представляют из себя никуда негодный материал для чисто коммунистической стройки (Счастье их, что они не доживут до коммунизма и сойдут поэтому в могилу революционерами-героями)» (Там же, с. 82).

Зафиксированное подобными суждениями мнение об эмпирической реальности свидетельствует, что мировидение большевистских проектировщиков сформировалось во многом под влиянием традиционного сознания. Большевики подобно носителям последнего резко противопоставляли сущее должному, оценивая действительное в качестве профанного и греховного. В соответствии с этой схемой они рассматривали мир, уклонившийся от Правды, как несправедный и призывали к его немедленному разрушению. «Новому человеку», формировавшемуся в «переходную эпоху», соответственно, указывались конкретные воплощения кривды (буржуи, помещики и пр.). В борьбе с ними (чужими) допускались такие средства, которые неприемлемы в отношении своих. Так, Л.Д. Троцкий писал: «Наличие могущественных врагов вынуждает к военной хитрости, а хитрость неразрывна с ложью. Нужно только, чтобы хитрость в борьбе с врагами не вводила в заблуждение своих...» [4, с. 445].

От участника мировой схватки со злом (индивида, стремящегося приблизиться к образу, – «новому человеку») требовались *жертвенность и бескорыстие*. Е.А. Преображенский возвещал: «Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден. Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса... На севере Сибири, бывает, что громадное стадо оленей переходит широкую реку. Перейти на тот берег необходимо для спасения от голода всего стада. Но река глубока, и мост наводит социальный инстинкт стада трупами передовых» [3, с. 72 – 73]. В данной цитате не только указывается на основополагающее качество «нового человека» (непримиримый боец), но и постулируется приоритет интересов социальной целостности над интересами индивида. Не следует думать, что приведенное высказывание выража-

ет лишь мнение «троцкиста», «вычищено-го» вскоре из партии. Члены всех фракций, включая и «правых», и «сталинистов», придерживались подобной позиции и постулировали *коллективизм* в качестве ценности-цели и ценности-средства моделируемой личности.

Впрочем мы были бы неправы, если бы сказали, что среди представителей властной элиты царило полное единодушие в вопросе о соотношении индивидуального и общественного в системе ценностей «нового человека». Осторожнее Е.А. Преображенского или М.Н. Лядова решали его, скажем, А.А. Сольц и Н.К. Крупская. А.В. Луначарский же прямо указывал на *двусоставный* характер идеала «нового человека» («коллективизм» и «индивидуализм»). Он доказывал, что правильно понятый коллективизм не отрицает творческую, неповторимую индивидуальность. Однако подобные заявления все-таки выпадали из хора большевистских проектировщиков «нового человека», да и принадлежали они «вождям», не занимавшим ключевых постов в партийно-государственной вертикали. У большинства же представителей властной элиты коллективизм превратился из средства формирования свободной, всесторонне развитой личности в самоцель. Свою роль в этом сыграли партийные решения 1925-го, 1927-го и 1929 гг. (XIV и XV съездов, XVI конференции ВКП(б)) о начале «социалистической реконструкции», предусматривавшие ускорение социально-экономических преобразований. Неизбежно «новый человек» превращался из самостоятельного подпроекта в рамках социального мегапроекта в проект инструментального характера, который был призван обеспечить форсированную индустриальную модернизацию страны.

Таким образом, большевистская элита к концу 1920-х гг., исходя из прагматических интересов, стала полагать в качестве образцовой личность, способную к самоотречению от свободы во имя надперсональных интересов. Другими словами, при конструировании *нового человека* был возрожден *старый принцип «человек для великой цели»*.

Однако нельзя не заметить, что к рубежу 1920 – 1930-х гг. система долгосрочных жизненных ориентиров «нового человека» стараниями элиты содержала не одни лишь ценности социоцентристского характера (подчинявшие жизнедеятельность лично-

сти интересам коллектива). Как ни парадоксально это звучит, но начавшийся в 1929 г. резкий поворот в сторону «безличностного коллективизма» одновременно укрепил и тот сегмент системы ценностей «нового человека», который был порождением антропоцентристской западноевропейской культуры «модернити». В ценностном наборе остались *рационализм, инициатива, новаторство*, внесенные туда идейными исканиями периода «революции нравов». Советская властная элита конца 1920-х гг. транслировала эти ценности из-за того, что без их освоения не мог состояться субъект ускоренной модернизации страны.

Соединение в системе ценностей «нового человека» социоцентристских и антропоцентристских мотивов жизнедеятельности неудивительно. Ведь разработка модели «нового человека» в 1920-е гг. представляла собой движение в пределах возможного. А этими пределами были, с одной стороны, традиционный массовый нравственный идеал трудящихся, а с другой – уровень развития страны, т.е. модель «нового человека» должна была соответствовать традиционным представлениям масс о должном поведении и одновременно обеспечивать «гонку за лидером» – за все уходящим вперед Западом.

На основании вышесказанного разработанную в 1920-е гг. модель «нового человека» можно было бы назвать *гибридной* (пользуясь термином А.С. Ахиезера). Иными словами, она представляла собой компромисс между учением эпохи модерна (марксизмом) и мировидением традиционного общества, между антропоцентризмом и социоцентризмом, между европеизмом и «почвенничеством».

Резюмируем сказанное. Разработка модели «нового человека» была инициирована социальными потрясениями 1917 – 1920 гг. и начавшейся в их результате «революции нравов». Последняя побудила представителей властной элиты поспешить определиться с тем, «что можно и что должно» (А.М. Коллонтай). Наиболее быстро была сформулирована система антиценностей, объявленная наследием «старого мира». Соответственно, позитивная программа действий «нового человека» выражалась посредством отрицания ценностей «проклятого прошлого». По мере укрепления правящего режима в разработке модели «нового человека» все большую

роль начинала играть стратегия большевистской партии. Ее нацеленность на форсирование социально-экономических процессов породила запрос на личность, готовую подчиняться социальному целому (государству, классу). Такая ценностная ориентация соответствовала автохтонному соборному нравственному идеалу. Тот факт, что приоритетными для проектируемого «нового человека» оказались фундаментальные мотивы жизнедеятельности социоцентристского характера, не означал отрицания властной элитой отдельных ценностей антропоцентризма. Положительное к ним отношение объяснялось «марксистским происхождением» элиты (в меньшей степени) и (куда в большей степени) прагматическим интересом модернизаторов страны. К исходу 1920-х гг. модель «нового человека» окончательно явила собой взаимную ассимиляцию социоцентристского и антропоцентристского начал, причудливо соединив символ веры властной элиты (вульгаризированный марксизм) и массовый традиционный идеал.

Литература

1. Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мошкова Л.В. Угол отражения: кризис образовательной политики и идеал воспитания «новых людей» в истории педагогики // Теоретические исследования 2006 г. : материалы науч. конф. / под ред. В.А. Мясникова. М. : ИТИП, 2007. С.70 – 78.
2. Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / под ред. А.А. Гусейнова [и др.]. М. : Политиздат, 1989.
3. Преображенский Е.А. О морали и классовых нормах / Е.А. Преображенский. М.; Пг. : ГИЗ, 1923.
4. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XXI. Проблемы культуры. Культура переходного периода. М.; Л., 1927.

Development of the model of “a new man” of the Soviet authoritative elite

There is considered the process of development of “a new man” model carried out by the authorities of the Soviet system of education in the conditions of socio-cultural transformation of the 1920s. The given model was formed under the influence of the USSR course for forced modernization of the society. It was this strategy that caused the demand to subordinate to the social whole.

Key words: “a new man” model, Soviet elite, “revolution of morals and manners”, values, anthropocentrism, sociocentrism.

А.А. БАРИЧ
(Волгоград)

ИДЕЯ ШКОЛЫ-ОБЩИНЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А.С. МАКАРЕНКО

Рассматривается деятельность А.С. Макаренко как уникальный педагогический феномен, что позволяет взглянуть на идеи великого педагога с новой для педагогической историографии точки зрения – в контексте теории модернизации – и увидеть в наследии А.С. Макаренко новые грани.

Ключевые слова: модернизация, школа-община, трудовая школа, педагогический феномен, трудовое воспитание, самоуправление, сотрудничество.

Педагогическое наследие А.С. Макаренко давно стало предметом внимательного изучения как в России, так и за рубежом. В работах Л.Ю. Гордина, Л.И. Гриценко, Э. Гюнтер-Шелльхаймер, Г.Е. Жураковского, В.М. Коротова, С.Г. Новикова, А.А. Фролова, Г. Хиллига, Н.Д. Ярмаченко, многих других авторов анализировались различные аспекты его социально-педагогического творчества. При этом деятельность А.С. Макаренко рассматривалась обычно в качестве *уникального* педагогического феномена, появившегося в конкретных социально-политических и социокультурных условиях. Между тем представляется, что на идеи великого педагога можно взглянуть с новой для педагогической историографии точки зрения: в контексте теории модернизации. Это позволит увидеть в наследии А.С. Макаренко новые грани, в частности, то, что его идеи укладываются в логику генезиса и становления в мировой педагогике такого явления, как *школа-община*.

Поясним свою мысль. Модернизация (понимаемая нами как переход от социума, воспроизводящего веками сложившиеся образцы и ценности, к обществу, нацеленному на постоянные изменения), вызвала в обществе серьезный духовный кризис [6, с. 69 – 73, 85 – 87]. Вследствие появления разнообразных социальных и нравственных коллизий, продуцировавшихся модернизацией, многие педагоги в России и на Западе обратились на рубеже XIX – XX вв. к опыту общинного жизнеустройства. Ведь именно община в традиционных социумах выступала базисом всей социальной структуры, являлась той «клеточкой»,